

12+ Шум земли в тональности фа

✧ Маша Тусина ✧

Мария Тусина

Шум земли в тональности фа

«Издательские решения»

Тусина М.

Шум земли в тональности фа / М. Тусина — «Издательские решения»,

Обычная поездка на автобусе оборачивается для Ани путешествием в мир, где реальность переплетается с волшебством. Ей предстоит пройти через зачарованные леса, услышать, как поёт земля, и заглянуть в самые потаённые уголки собственной души. На этом пути, сотканном из магии, иронии и тихой грусти, героиня будет учиться слушать себя, принимать прошлое и искать дорогу к настоящему дому. Ведь иногда, чтобы найти то, что ищешь, нужно сначала позволить себе заблудиться.

© Тусина М.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Шум земли в тональности фа

Мария Тусина

© Мария Тусина, 2026

ISBN 978-5-0070-1261-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Проснулась я от того, что голова соскочила с кулака и клюнула воздух. Шея затекла так, будто на ней всю ночь вязали морские узлы. За окном — степь. Ровная, как стол, только стол этот явно накрывали на каком-то другом банкете. Не на моём.

Я огляделась. Автобус полупустой. Впереди дремлет женщина в пуховом платке, сзади — парень в наушниках, ритмично дёргает ногой. На соседнем сиденье — никого, только моя сумка, которую я не помню, как собирала. В ней, на ощупь, зонт, книга с заломившейся обложкой и яблоко. Яблоко тёплое. Это хороший знак. Тёплые яблоки не врут.

За рулём — фигура. Спина прямая, кепка надвинута низко, из-под неё торчат седые кудряшки. Водитель или водительница? — ведёт автобус так, будто дорога сама под колёса подстилается, а руль нужен только для вида.

Я подошла, держась за поручни, как матрос в первый шторм. Качнуло.

— Долго ещё? — спросила я в спину.

Спина хмыкнула.

— Долго — это когда ждёшь. А когда едешь — это просто расстояние.

Повернулась. Лицо — печёное яблоко. Морщины идут не вниз, а вверх, к улыбке. Глаза, как две кнопки от старого приёмника: одна «вкл», вторая «выкл», но какая за что отвечает, не разберёшь.

— Ты, милая, вещи-то свои проверь, — сказала она. — А то приедешь, а там пусто.

Я вернулась к сумке. Открыла. Зонт на месте, книга на месте, яблоко на месте. А под ними — три предмета, которых я точно туда не клала.

Стеклянный шарик. Обычный, из тех, что в детстве выменивали на фантики. Внутри — цветная спиралька, застывшая в вечном падении.

Кусочек мела. Белый, пачкает пальцы, пахнет школой и сентябрём.

И спичечный коробок. Пустой. Но когда трясёшь — что-то шуршит. Может, одна спичка. Может, что-то ещё.

Я подняла глаза на водительницу. Она смотрела на меня в зеркало заднего вида. Уголки губ подрагивали.

— Это на три случая, — сказала она. — Потратишь — дальше сама.

Я покрутила шарик в пальцах. Спиралька внутри дёрнулась и замерла.

— Вопрос задать можно?

— Можно. Только не «куда едем» и не «когда остановка». Это я и сама не знаю.

Я подумала. Автобус качнулся на ухабе. Степь за окном сменилась редкими деревьями. Они стояли по одному, как будто поссорились и разошлись в разные стороны.

— А что вы слушаете, когда никто не разговаривает? — спросила я.

Водительница хохотнула. Негромко, как будто сама себе.

— Шум земли, — ответила она. — Он всегда в тональности «фа».

И отвернулась к дороге.

Я села обратно. Женщина в пуховом платке всё спала. Парень в наушниках всё дёргал ногой. А я смотрела на три предмета в ладонях и думала: стеклянный шарик — это когда смотришь на мир сквозь круглое, и он немножко волшебный, но всё равно тот же самый. Мел — это когда можешь нарисовать дверь и войти, но только если дождь не смочит. А спичечный коробок...

Я потрясла его у уха. Шуршит. Может, там семечко. Может, там гвоздь. Может, там вообще ничего, кроме шуршания.

И вот что странно: меня это совершенно устраивало.

Деревья за окном кончились. Начались дома. Маленькие, деревянные, с резными наличниками, которые смотрели на дорогу как на затянувшуюся шутку. Где-то залаяла собака. Лай был не злой, а так, для порядка. Мол, я тут, вы там, всё по плану.

Я сунула шарик, мел и коробок в карман куртки. Они легли удобно, как будто карман для них и шили.

— Выходить будешь? — спросила водительница.

Автобус остановился у покосившегося забора, за которым угадывался огород. На грядках торчало что-то зелёное и упрямое.

— А что это за место?

— Место как место. Тут всё по-честному. Дождь идёт — мокро. Солнце — тепло. Врёшь — сам себе веришь, но недолго.

Я вышла. Автобус за спиной фыркнул и уехал. Не вдаль, а как-то вбок, растворился в мареве, будто его и не было.

Я осталась одна у забора. В кармане позвякивал стеклянный шарик, мел крошился, а коробок шуршал загадочно и успокаивающе.

Из-за забора высунулась лохматая собачья голова. Посмотрела на меня. Зевнула.

— Ну что, — сказала я собаке, — пойдём искать, на что тут тратить случаи?

Собака вильнула хвостом. Мол, давно пора.

И мы пошли вдоль забора, а за ним, в огороде, кто-то невидимый тихо и старательно окучивал помидоры. Словно это было самое важное дело на свете. Потому что помидоры сами себя не окучат. И мир сам себя не спасёт. Но его можно немножко подпереть сбоку. Например, тёплым яблоком. Или стеклянным шариком. Или просто тем, что ты здесь, идёшь, и собака рядом, и впереди — калитка, которая обязательно откроется, если её толкнуть.

Я толкнула.

Калитка скрипнула.

И ничего не случилось. Но в этом «ничего» было столько всего, что я невольно улыбнулась. Как будто нашла в старом пальто конфету, про которую забыла. А она всё равно вкусная. Даже, может, вкуснее, чем если бы помнила.

Вот так и пошло.

2

Калитка скрипнула со звуком «ну-раз-уж-пришла». Собака, не оглядываясь, потрусил в высокую траву, где пахло полынью и чьей-то очень старой обидой. Я пошла за ней, потому что в таких местах лучше идти за собакой — у них с маршрутами договорённость.

Огород кончился. Дальше лежала деревня, которую забыли не только люди, но, кажется, и само время. Три избы смотрели пустыми окнами, заборы лежали ничком, как будто у них разом кончился смысл жизни. Крапива стояла стеной, но кто-то заботливо проделал в ней аккуратный проход. Не человек — у человека рука дрогнула бы. Скорее, сама крапива расступилась из вежливости.

Собака остановилась у четвёртого дома. Вернее, у того, что от дома осталось. Прямо посреди фундамента, под открытым небом, висилась печь. Кирпичная, с трубой, уходящей в никуда, потому что крыши над ней не предусматривалось. Печь была тёплой. От неё шёл ровный, сытый жар, как от большого кота, который спит, но внутри у него мурчит. Пахло печёным яблоком, нагретой глиной и, я принялась — помидорами. Теми, что греются на солнце, набравшись за день такого вкуса, что потом снится.

На приступке лежал веничек из полыни, стоял горшок с молоком, а рядом — блюдо с тремя помидорами. Маленькими, жёлтыми, сорта «дамские пальчики», хотя какие у дамы пальцы, такие и помидоры.

Собака села и посмотрела на меня: мол, давай, это твой выход.

— Стоять, — раздалось из устья. Голос был как печная заслонка, которую открыли ногой. — У меня полы ещё не мыты. И вообще я не одет.

Я остановилась. Собака села и начала вылизывать лапу с видом «это надолго».

— Здравствуйте, — сказала я в тёмное нутро. — Я Аня. И, кажется, я потерялась. Но не уверена. Может, я как раз нашлась, а всё остальное потерялось. Такое бывает?

В печи заворочались угли, сыпанули снопом искр, и из устья высунулась голова. Круглая, как головешка, в саже, с бровями из пепла. Глаза — два уголька, которые то разгорались, то притухали, словно думали: «вкл» или «выкл»?

— Аня, говоришь, — хмыкнул дух. — А я — Никодим Теплович. Но ты можешь звать меня просто «Ой, мамочки». Все так зовут, когда я из печи вылезаю.

Он выпростал руку — короткую, крепкую, как ухват — и поправил веничек.

— Печники нынче не в моде. Всё эти ваши мультиварки, индукции, аэрогрили... Тьфу! Ни души, ни поддувала. А я тут двести лет живу. Не спрашивай почему. Я сам не знаю. То ли я печь, то ли печь — это я. В булочную не хожу. Хлеб пеку сам. Точнее, он сам печётся. Я только ворчу.

Он покосился на горшок с молоком.

— Чай не предлагаю. Вода в самоваре выкипела от обиды ещё при царе Горохе. А молоко — это комару. У нас тут комар завёлся. Пьёт молоко, гад, и наглет. Вчера спрашивает: «А мёду нет?» Я ему: «Ты комар или кто?» А он: «Я — атмосферное явление».

Печник пошевелил плечами (или тем, что было на их месте), и в печи ухнуло.

— Чего стоишь? Садись. Помидоры тёплые. Не бойся, они уже мёртвые. То есть спелые. В гастрономическом смысле.

Я села на приступок. Помидор оказался именно таким, каким должен быть: шкурка лопается, внутри — солнце и немного соли. Даже если соли не клали.

— Спасибо, — сказала я с набитым ртом. — Вкусно.

— Знаю, — буркнул Печник. — Я в них душу вкладываю. Буквально. У меня душа — она как пар из поддувала. Куда дунет — там и растёт. В прошлом году надуло редиску. Редиска была злая, как я в молодости.

Он прищурил один глаз и спросил:

— А чего ты ешь так странно? Помидор губами берешь. Мода такая нынче?

— Руки грязные, — невольно улыбнулась я. В кармане звякнул шарик.

— Так, — сказал Никодим Теплович, и угольки в его глазах вспыхнули ярче. — Чую. У тебя в карманах ерунда. Шарик, мел и коробок с пустотой. Ты что, мир спасти собралась?

— Может, и собралась, — сказала я. — А вы что, против?

Он замолчал. Потом вздохнул, и из трубы вылетело облачко пепла, которое тут же приняло форму вопросительного знака.

— Ну, если собралась, тогда слушай. Три совета дам. Два — чушь собачья, один — правда. А какой — не скажу. Не потому что вредный. А потому что сам забыл. Возраст, знаешь ли. Угли уже не те.

Он откашлялся, и внутри печи что-то ухнуло.

— Совет первый. Вернись туда, где автобус пропал. Сядь на землю и сиди ровно три часа, не шевелясь. Даже если муравей заползёт. За это время вокруг тебя вырастет рябина. Ягоды будут горькие, как твоя первая любовь. Съешь ровно три. Что было не твоим — отпадёт. Что твоё — прирастёт. Возможно, прирастёт что-то лишнее, но тут уж как повезёт.

— Совет второй. Иди строго на север, пока не увидишь болото с чёрной водой. Вода там пахнет вчерашним дождём и чужими обещаниями. Брось в воду стеклянный шарик. Он утонет. Сразу после этого из воды выйдет женщина с лицом, которое ты забыла. Она скажет тебе одно слово. Если поймёшь его — вернёшься домой. Если нет — останешься жить в болоте. Кормить комаров. Кстати, молоко им не давай, они от него нагледят.

— Совет третий. Иди туда, куда смотрит моя труба. Там будет дорога, а на дороге — тот же автобус. Водительница спит на руле. Разбуди её. Спроси: «Что ты слушаешь, когда спят пассажиры?» Если ответит то же, что и в первый раз, — садись в автобус и езжай куда везут. Значит, твой путь закончен. Если она ответит то же, что и в первый раз, — садись и езжай. Значит, твой путь кончился.

Он замолчал. Угли в глазах погасли до маленьких красных точек.

Я доела помидор.

— Можно вопрос?

— Валяй.

— А причём тут тональность «фа»?

Печник моргнул. Искры посыпались на фартук.

— А-а-а, — протянул он. — Так ты уже слышала. Ну, «фа» — это нота земли. Она гудит на «фа». Все горы, все корни, все кротовьи норы. И помидоры, кстати, тоже на «фа» зреют. Ты ела — и не слышала? У тебя что, уши заложены жизнью?

Я прислушалась. Внутри ещё было тепло от помидора. И, кажется, где-то на грани слышимости — гул. Низкий, ровный. Как будто земля мурлычет.

— Слышу, — сказала я тихо.

— Ну вот, — кивнул Печник. — А ты думала, земля молчит? Она болтает без умолку. Просто мы разучились слушать. Всё радио да подкасты. Тьфу.

Он замолчал и начал медленно втягиваться обратно в печь.

— Всё. Иди. У меня выпечка подходит. Каравай на всю мёртвую деревню. Чтобы им, бедным, снилось, что они живые и едят хлеб.

Я встала. Собака встала.

— Спасибо за помидор, — сказала я. — И за советы.

— Не за что, — донеслось из печи. — Советы даром даю. Потому что платить за них всё равно нечем. Разве что... — он высунулся на секунду. — Если встретишь ту водительницу, скажи ей, что шум земли — он не только на «фа». Он ещё на «си» иногда, когда землетрясение. Но это уже не для слабых ушей.

И скрылся.

Я постояла, глядя на трубу. Она смотрела строго на северо-запад, как будто знала что-то, чего не знала я. Рябина на юге. Болото на севере. Автобус на северо-западе. И везде — чья-то чужая история, в которую меня приглашают войти.

Собака ткнулась носом в мой карман. Там звякнул шарик.

— Что думаешь? — спросила я у неё.

Собака посмотрела на восток. Там вставало солнце, и крапива казалась не такой уж страшной.

Я вздохнула. Рябина — сидеть и ждать. Этим я занималась последние три года, и ничего не приросло, кроме привычки пить чай в одиночестве. Болото — звучит как приключение, но я не люблю, когда мокрые ноги. А автобус... Возвращаться туда, откуда начала? Ну уж нет.

— Ну что, — сказала я собаке, — у нас три совета. Два дурацких, один правдивый. Какой выберем?

Собака посмотрела на восток. Там вставало солнце, и крапива была пониже.

— Отличный план, — согласилась я. — Пойдём на восток. Там, кажется, вообще ничего не обещали. А это лучшая гарантия, что что-нибудь да случится.

Я шла на восток. Собака — рядом. Помидор внутри грел, как маленькая печка. В кармане шуршал коробок, мел крошился, шарик лежал тихо и кругло, как маленькая планета, которой всё равно, куда катиться.

Где-то внутри я точно знала: когда придёт время, я пойму, какой совет был правдой. А пока — просто шла. Через крапиву. С собакой. В сторону солнца.

И где-то внутри звучала нота «фа». Или «си». Или просто ветер. Но теперь я знала, что земля говорит. И, может быть, когда-нибудь я пойму, о чём.

3

Солнце поднялось выше и теперь висело над березняком, как забытая лампочка — греет, но никто не помнит, кто её вкрутил. Крапива кончилась, уступив место редким берёзам, которые росли как попало, словно их рассаживал пьяный лесовод с похмелья и сильным чувством вины. Собака бежала впереди, иногда оглядывалась — мол, не отставай, у меня нюх на неприятности, а ты сегодня явно в списке приглашённых.

И неприятности не заставили себя ждать. Они вообще редко заставляют. Приходят вовремя, садятся без стука и кладут ноги на стол.

Поляна возникла внезапно. Березняк расступился, словно стесняясь, и открыл ровный круг, выстланный примятой травой. В центре стоял колодец. Старый, замшелый, с покосившимся срубом. Ведра не было. Оборванная веревка свисала, как сухая жила, которой давно никто не интересовался. Внутри — чернота. Не та уютная чернота, где можно разглядеть звёзды и подумать о вечном, а та, куда смотреть страшно, потому что оттуда не ждёшь ответа. А если и дождёшься — то такого, что после него спать сможешь только с включенным светом.

— Не нравится мне это место, — сказала я собаке.

Собака села и поджала хвост. Она была солидарна. Даже слишком. Хвост ушёл под живот так глубоко, будто решил эмигрировать.

А ещё хотелось пить. Сильно. Так, что горло склеилось, а язык стал похож на наждачную бумагу, которой прошлись по всем моим надеждам, а потом ещё и по несбывшимся мечтам — для ровного счёта.

— Ладно, — сказала я себе. — Сейчас загляну, быстро наберу воды, и пойдем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.